

Максимов Сергей Васильевич

**Лесная глушь. Картнарбыта из
воспоминаний и путевых заметок**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Васильевич М.**
Лесная глушь. Картнарьбыта из воспоминаний и путевых заметок / Максимов Сергей Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 371 с.

ISBN 978-5-519-94917-0

ISBN 978-5-519-94917-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Повитуха-Знахарка.

Лежитъ мужичокъ на полатяхъ — сумерничаетъ: уповодъ на дворѣ еще непоздній и въ пѣбахъ не зажигали лучины. Лежитъ мужичокъ и нѣжится, сонъ не беретъ его, а лезутъ въ голову разныя мысли: вотъ хотѣлось-бы ему пройтись по деревнѣ наибольшимъ, чтобъ всякій давалъ почоть и ему, и хозяйкѣ-сожигательницѣ. А то — онъ и въ выборныхъ-бы міру не-прочь послужить, лишь-бы не въ соцкихъ только:

— Замотаешься! — думаетъ онъ — да опять-же и про наибольшаго надумалъ, — не-рука и наибольшимъ быть — не выберутъ... Всякому, знать, зерну своя борозда, а давай намъ тюру да квасу, было бы за что ухватиться и зубами помолоть... вотъ оно что! А что и Бога гнѣвить: хозяйство веду не хуже кого: всего вдоволь — и скота, и птицы, и землицой міръ не обидѣлъ; вонъ и ребятишковъ возвелъ. Не морю ихъ, не пускаю по подоконьямъ...

Мужикъ повернулся, скрипнулъ полатями, обхватилъ голову руками и опять призадумался:

— Одного не пойму, что хозяйка совсѣмъ захлѣбла: вонъ лежитъ на печи, словно пенъ, али-бо колода какая, а работающая баба, не во-грѣхъ сказать: на печи-то ее не удержишь въ другую пору. Совсѣмъ захлѣбла баба, совсѣмъ сѣлъ давѣ за столъ — глядь: и щи не дошли, да и каша перепрѣла. Сталъ говорить: отвѣту не даетъ толкомъ. Все на подложечку жалуется; не-то

дурить, не-то обошолъ ее какой недобрый человѣкъ. Взялъ-бы плеть... такъ время-то, кажись, не такое: по лицу веснухи пошли, да опять-же и тяжелина...

— А которая тебѣ, Мироновна, пошла недѣля?—окликнулъ мужикъ сожительницу.

— Да вотъ, считай, съ заговѣнья-то на Петровки: которая будетъ?

— То-то, смѣаю, Мироновна, не пора-ли?

— Ой, колибъ не пора, кормилецъ!—всю-то меня, разумникъ мой, переломало: и питье-то долить, и ноженки-то подламываетъ, вотъ къ ѣдѣ-то и призору нѣтъ... ни на что-то-бы я, сердце мое, не глядѣла. Давѣ отъ печи словно шугнулъ кто: еле за перебору удержалась; въ головушкѣ словно толчея ходенемъ ходитъ; утрось пытало моторить...

Мироновна не вынесла и заплакала; мужичокъ опять заскрипѣлъ полатыми.

— Да ты-бы, Мироновна, поспособилась чѣмъ!... — заговорилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Напилась давѣ квасу, ну-словно-бы и полегчѣло. А вотъ теперь опять знобитъ. Душа-то ничего не принимаетъ, разумникъ; позымъ-то не на то, что слѣдно брать: глины-бы вонъ я отъ печки поѣла, пирога-бы калинника пожевала...

— Нишни-ко, нишни, Мироновна, ниваетъ опять у тебя къ концу ведетъ! Давай-ко Богъ этой благодати на наше бездолье. Да смотри-же ты у меня опять рожай парня, а я, вотъ, тѣмъ часомъ пойду, да баню тебѣ истоплю. Пораспаримъ восточек-то—полегчѣетъ. Вотъ я уже...

Мужичокъ слѣзъ съ налатѣй, захватилъ топоръ, сходилъ истопить баню, вернулся назадъ, подошолъ къ печи и опять окликнулъ Мироновну:

— Чтѣ, спишь-ли, Лукерьюшка, спишь-ли, кормилка? али

ужъ тошно больно стало? нишни-же, нишни, дока!... вотъ я повову повитуху, добѣгу хоть до тетки Матрены!.. ужъ и мнѣ-то, глядя на тебя, таково тошно стало!..

Мужичокъ махнулъ рукой, повертѣлся по избѣ туда-да-суда и опять уполъ вонъ.

Вотъ онъ уже у тетки Матрены — деревенской повитухи-бабки. Кланяется ей въ поясъ и проситъ:

— А я опять со своей доукой, тетуська Матрена. Вольшуха-то у меня калины попросила; опять никакъ на-сносѣ: подсоби

— Какъ-же не на-сносѣ, Михѣичъ! По-моему, ей еще вѣчоръ надо-бы... на тридцатую-то недѣлю шестая пошла...

— Не откажи!—проситъ Михѣичъ.—Ты, вотъ, и Петрованка повивала, и Степанко, и Лувешка отъ тебя шли: прими—куды не шло, еще какое ни-на-есть дѣтище. Рука у тебя легкая,—такъ по знати тебѣ и вѣру даешь: къ другимъ нашимъ бабамъ и не лѣзу...

— Ладно—ну, ладно, Михѣичъ!...

—Полтину-то я ужъ отъ себя сколочу, ну—тамъ, поди, съ вумовъ-вѣвъ пособи-берешь: будетъ тебѣ за повить-отъ. Овчины я сейчасъ припасу, бери только бабу, да и веди въ баню...

И Михѣичъ опять поклонился въ поясъ; думаетъ, задурить баба—заломается, хоть и за своимъ-же добромъ пойдетъ; сказано: женской норовъ и на свинѣ не объѣдешь, — ни съ чего ину-пору чванятся. А поклониться ей, не надломить спины, не волчь-же у мужика шея, не глоталъ мужикъ швецова аршина.

— Ладно—ну, ладно!—говоритъ повитуха,—а сколько ты посулилъ за повить-отъ?...

— Грѣшнымъ дѣломъ полтину мѣдью отвалою тебѣ, тетка Матрена; не стану врать—дамъ пятьдесятъ копѣекъ: не ругайся только!...

— Ну, а припасы-то какіе будутъ?

— Да ужъ на этомъ стоять не станемъ: приходи, да и хозяйничай. Я тебѣ и поросенка зарѣжу, и барана зарѣжу, куды не шло! Сама и снятаны напахтаешь!...

— Въ кумовья-то кого позовешь?

— Да братъ Семенъ будетъ и Степанида, Базиха Степанида...

— Что-жъ ты бурмистра-то не попросилъ, аль заломался?

— Не то, тетка Матрена, заломался! да нужно вѣдь и честь знать. Вонъ Лукешку принималъ, говорить: въ-последніе принимаю, ни къ тебѣ, ни къ кому не тронусь; изъяпу, слышь. много, а крестники-то развѣ куличъ принесутъ на Пасхѣ, а о Рождествѣ, глядишь, самимъ денегъ давай. И такъ ужъ ихъ у меня больше десятка... Пускай, говорить, Евлампей-земской крестить, тому это дѣло совсѣмъ на-новѣ. Благо вѣдь пріохотился, говорить, къ этому дѣлу, а тамъ—подавай только...

— Такъ ты-бы лучше земскаго попросилъ, Михѣичъ,—все-жъ и тебѣ лучше. Вонъ онъ, толкуютъ, тужей навушилъ, дуги гнетъ—такъ лавку, слышь, открываетъ; кузницу, поговариваютъ, у Демки скупаетъ...

— Лучше по родству, тетка Матрена, водиться: и Евлампій чванливъ болѣе, богатъ—такъ и занозистъ. Мы вѣдь съ тобой и въ лаптяхъ ходимъ да не спотыкаемся, а и братъ мужикъ хорошій: три коровы на дворѣ, опять и жена тяжела... Сама знаешь: тебѣ-же на-руку...

Еще разъ поклонился Михѣичъ въ поясъ, но повитуха Матрена не ломалась болѣе. Въ-двоёмъ стащили они роженцу въ баню и увидѣлъ здѣсь Михѣичъ свою радость, хотя и не въ первой ужъ разъ. Видѣлъ, какъ повитуха дала роженцѣ сначала воробьиное сѣмя, а потомъ стаканъ вина и на закуску—кусочекъ круто-посоленого чорнаго хлѣба. Видѣлъ, какъ поили потомъ его жену пивомъ съ толокномъ, и зналъ, что и впередъ ей не будетъ запрета ни на какую пищу.

Вечеромъ собрались у колодца двѣ бабы-сосѣдки—воды накачать, и повели пересуды:

— Смотри-кось, — говорила одна — новый мѣсяцъ внезапно родился, гляни-ко, мать, какой лупоглазый вылѣзъ; знать на утрѣ-то сиверкомъ завернется...

— А впадѣла, дѣва, какъ давѣ Михѣичъ-то изъ бани выскочилъ?

— Нешто, родная, запарился?

— Чего, мать, запарился: сама-то, слышь, родила; вѣдь она на-последяхъ ходила...

— Кого-же Богъ далъ: бычка или телочку?

— Опять, дѣва, парнемъ прорвало. Выбѣжалъ, слышь, давѣ изъ бани, словно благовалъ. Ухватилъ меня за понитокъ, да ваятъ ерпенеть чуть не на всю-то деревню: радуясь, слышь, Агафьюшка, — третьяго парня рожаю. А мнѣ то что? по мнѣ-бы дѣвоньку-то лучше!..

— И по мнѣ-то, дѣва, кажись дѣвонька-то лучше. Ну, да давай ему Богъ; падъ его-бы семьей и сбывалось; мужикъ-то вѣдь онъ больно хорошій. Чего не попросишь: всего даетъ, коли-бъ не перечила ему большуха-то...

— Зелье-баба, и говорить нечего; попроси горшечка — задавится—говорила другая баба и расписала-бы Михѣича ховянку хуже всего, если-бъ не перебила ее первая баба:

— Кого же они, мать, повивать-то ваяли?

— Опять, дѣва, тѣ-же завидующіе, бестыжіе глаза, опять Матрена криворотая!.. ужъ такая-то прорва, такая-то волчья снѣдь, ненасытиха! Все бы тебѣ она поперечила. Вонъ пришла я лѣтось въ Оксворцу на повить: и дѣло было сладиши за полтину. Она тутъ и подвернись, ненасытиха-то эта и подвернись: да у Агафьи, говоритъ, рука тяжела, кость широка; да у ней, говоритъ, глазъ недобрый, обыку, говоритъ, не имѣть; у Базики

ребенка, слышь, заморила... У, прорва едавая!.. волчья снѣдь! ужъ я-жъ ее допеку!... вонъ на мѣстѣ мнѣ тутъ провалиться!..

И ничего больше не узнала любопытная допрощица—первая баба, какъ ни пробовала, какъ ни пыталась разговорить сосѣдку, но добилаь только одного, что та и глава Матренѣ пескомъ заслѣпнѣть, и на задахъ поймаетъ—въ косы вцѣпится, со свѣту сгонитъ Матрену: пусть-де она не перечитъ другимъ,—не супротивничасть. Отъ другихъ уже кое-какъ допыталась распрощица, что самъ-де Матренѣ полтину посулили за повить; братъ самого идетъ отцомъ крестнымъ, Базика рубаху начала кроить,—стало быть въ матери крестныя назвалась: послѣ-завтра, можетъ, будутъ крестины, а можетъ и нѣтъ... а самъ-де куды-шибко радуется: то въ баню забѣжитъ, то опять вернется въ избу: поиграетъ здѣсь съ старшенькими ребятенками, да и опять лѣзетъ въ баню. И зачѣмъ его носить туда: студить только.

Но вотъ словно и уговорился отецъ: раздѣлся, прилегъ на полати, свѣсилъ внизъ голову, ласкаетъ ребятишекъ, улыбается, подушку въ одного парнишку бросилъ и—спать бы. Нѣтъ, Михѣичъ опять зашевелился, разъ-пять перекинулся съ-боку на-бокъ и опять-таки спрыгнулъ съ палатей и опять сталъ суетливо оболокаться. Потомъ подбѣжалъ къ зыбкѣ—покачалъ ее за ермееу, да вспомнилъ, что пустая была еще эта зыбка; потрепалъ старшаго мальчика за волосы въ видѣ ласки, но не поняли буен-ребята этой ласки—разревелись. Отецъ того-да-другаго погладилъ по головѣ, тому-да-другому посулилъ купить пряниковъ да орѣховъ. Вотъ, опять вышелъ въ сѣни и опять вернулся назадъ въ избу: шапку забылъ на полицѣ, да и вмѣсто лаптей были на ногахъ у него туфли—берестяные ступанцы. Отецъ поправилъ оплошность, безсознательно перебралъ на столѣ обглоданные, замусоленные кусочки ржанаго хлѣба, забытые ребятишками,—и не прибралъ. Порылся въ ставцѣ—и ничего не вынулъ.

Заглянулъ зачѣмъ-то за переборку, толкнулъ ногой въ голбецъ, — и не притворилъ двери. Наконецъ опять вышелъ на крылецъ, спустился на улицу, но не пошелъ въ баню, а прямо-таки въ свое приходское село.

— Съ требой уѣхалъ!... помирають! — говорила ему отца Ивана работница.

— Я подожду: вѣдь, поди, скоро пріѣдетъ?

— Чего скоро: — почитай, только-что, только уѣхалъ!

— Я подожду, подожду, а скоро обѣщали?

— Кто-жъ его знаетъ?.. строкъ-отъ съ нимъ! Дьячкомъ-то Изосимъ поѣхалъ, — добавила отъ себя работница.

— Ну-вотъ, поди ты! — бевсознательно вымолвилъ Михѣичъ. — А я, какъ тебя звать-то? я... подожду лучше...

— Чего тебѣ надо сказать — я, пожалуй, молвлю батюшкѣ-то.

— Паренекъ, кормилица моя, родился, паренекъ... и такой-то, мать моя, гладкой, да тяжелой, ужъ такой-то рѣзвунко, дѣвонька, родился! Въ меня, бають бабы!.. да и на матку похожъ, славный будетъ, во... славный! Завтра въ избу перетащу и зыбку ужъ навязалъ на ту притчину...

— Да ты изъ какой деревни? — перебила работница какимъ-то плачевнымъ голосомъ и, подхватившись локоткомъ, пригорюнилась.

— Изъ вашихъ, мать... изъ сосѣдскихъ.... вонъ: съ поля на-поле! сказываютъ, гоны три будетъ, а по-мнѣ такъ и двухъ не наберется....

— Тамъ моя сестра зиму-съ на супрядкахъ гостила! — сказала съ глубокимъ вздохомъ работница и еще больше пригорюнилась.

— Нешто померла сестра-то? — спросилъ Михѣичъ, готовый въ этакую минуту сострадать всѣмъ и всему. Стало ему жалко, крѣпко жалко ~~сестры~~-работницы.

— И — что ты, батюшко, съ чего-бъ помереть?... такъ только гостила!... — сердито вскрикнула работница и отняла ладонь отъ подбородка.

— А скоро-ли самъ-отъ прїѣдетъ? — опять за свое ухватился отецъ.

— Сказала: съ нимъ срокъ! ну, и проваливай.

— Нѣтъ, ужъ я подожду лучше! — закончилъ докучный допрошій и сдержалъ свое слово.

На третій день отецъ привезъ новорожденного парня въ село, здѣсь отдалъ его на руки бумовьямъ, чтобы тѣ отнесли его въ церковь, а самъ опять зашелъ къ священнику просить его дать парню имя.

— Какъ-же ты-самъ возжелаешь нарѣши его? — спросилъ священникъ.

— Твое дѣло, батюшко — отецъ Иванъ: какое хочешь, то и ладно, по мнѣ.... самъ знаешь: все на тебя полагаю, на то вѣдь ужъ ты и приставленъ.

— Въ сей день Аномподисту празднуемъ! — отвѣчалъ отецъ Иванъ и слышалъ, какъ Михѣичъ перевертывалъ имя на разные лады — словно балалайку настраивалъ; и наконецъ-то поймалъ:

— Енподистъ, вишь Енподистъ... хитро больно имя-то, батюшко. Далъ-бы ты какое ни-на-есть попроче, а то переврутъ дуры-бабы!...

— Еще память Герасима?

— Какъ ты, батюшко, молвилъ? — ровно не вслушался. Никакъ опять...

— Герасима! — перебилъ священникъ.

— Ну вотъ и ладно, батюшко! никакъ и выйдетъ-то, ^араньше, коли по скорости надо. Благослови, отецъ Иванъ: бумовья-то въ церкви!...